

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2026. Том 30, № 1
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 398.21, 396
ББК 82.3(2=411.2)
<https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-1-131-142>

НАРРАТИВНЫЕ МОДЕЛИ ПУТИ ГЕРОИНИ В РУССКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ

Сергей Викторович Алпатов, Ирина Витальевна Зайцева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. В рамках исследования женской инициации в народной традиции предлагаются четыре модели пути героини в русской волшебной сказке, выделенные на основе работ о пути героя В. Я. Проппа и Дж. Кэмпбелла и анализа групп сюжетов с активным центральным женским персонажем. Группировка сюжетов и описание моделей базируются на структуре пути женского персонажа и семейно-возрастном статусе героини. Приведённые модели сохранили черты древних семейных и родовых взаимоотношений, поэтому они могут быть использованы при дальнейшем более углублённом анализе сказочных сюжетов как на русском фольклорном материале, так и на материале других культур, что откроет возможности для более широких обобщений и сопоставлений. Также представлен краткий обзор концепций пути героини и оценка степени их применения для анализа фактического материала в рамках фольклористики.

Ключевые слова: *волшебная сказка, героиня, женский персонаж, модель пути, инициация, фольклор*

Для цитирования: *Алпатов С. В., Зайцева И. В.* Нарративные модели пути героини в русской волшебной сказке // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2026. Т. 30, № 1. С. 131–142. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-1-131-142>

Original article

THE NARRATIVE MODELS OF THE HEROINE'S WAY IN RUSSIAN FAIRY TALE

Sergey V. Alpatov, Irina V. Zaitseva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. As part of the study of female initiation in the folk tradition, four models of the heroine's way in the Russian fairy tale are proposed, highlighted on work on the way of the hero V. Ya Propp and J. Campbell and to analyze plot groups with an active central female character. The set of plots and the description of models are based on the structure of the female character and on the family and the age status of the heroine. The above models retained the features of ancient family and generic relationships. So these models can be used in a further more in depth analysis of fabulous plots both on Russian folklore material and on the material of other cultures. This will open up opportunities for wider generalizations and comparisons. The article also presents a brief overview of the concept of the heroine's way in two popular modern works and an assessment of their degree of application for the analysis of actual material within the folkloristics.

Key words: *fairy tale, heroine, female character, way model, initiation, folklore*

For citation: *Alpatov, S. V. and Zaitseva, I. V.* (2026). The narrative models of the heroine's way in Russian fairy tale. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 30, no. 1, pp. 131-142. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-1-131-142>

Введение

Ввиду актуальности женской темы в современном мире повышается интерес к теме женских образов и их роли в культуре в искусстве, возникают запросы на поиски женских персонажей в фольклоре [Митяев, 2021], опору на исконные представления о женских ролевых моделях [Мамалова, 2021]. Сохраняет свою актуальность и поиск в сказках моделей женской инициации [Лисина, 2017], а также гендерных стереотипов [Панченко, 2018].

Народная традиция предлагает в качестве приключенческого сюжета использовать волшебную сказку и миф. Несмотря на то что в традиционном фольклоре путешествие представлено в основном сюжетами с главным героем мужского пола, женские сюжеты-путешествия всё же присутствуют в народной традиции, хотя и в меньшем количестве. В связи с возрастающим интересом к положению женщины в сказке имеет смысл обратиться к вариантам пути женщины, представленным в фольклоре, и проанализировать их особенности.

В качестве материала для анализа нами использованы сказки следующих сюжетных типов: АТУ 311 «Спасение младшей сестрой», АТУ 480А* «Гуси-лебеди», АТУ 342 «Финист — Ясный сокол», АТУ 480 «Мачеха и падчерица», АТУ 410 «Спящая красавица», АТУ 709 «Белоснежка», АТУ 511 «Хаврошечка», АТУ 510А «Золушка», АТУ 706 «Безручка», АТУ 880 «Муж, хвастающийся своей женой», АТУ 402 «Царевна-лягушка», АТУ 318 «Неверная жена», СУС 302₂ «Марья Моревна», АТУ 329 «Прятки от принцессы» [Uther, 2004; Сравнительный указатель сюжетов, 1979].

Выбор сюжетов обусловлен наличием центрального активного женского персонажа, который проходит путь становления и изменения или имеет яркую сюжетную реализацию. Указанные сказочные сюжеты группируются в кластеры по двум основным принципам:

- 1) близость схемы пути героини к схеме пути героя, намеченной В. Я. Проппом и Дж. Кэмпбеллом;
- 2) семейно-возрастной статус героини (ребёнок, девушка на выданье, жена).

Целью данной статьи является выделение моделей пути женских центральных персонажей в русской волшебной сказке. Для достижения этой цели решены следующие задачи: проведён анализ имеющихся концепций пути героя и героини в сказке; выделены группы сюжетов, репрезентативные для анализа, и сформулированы на их основе модели пути героини; описаны модели женской инициации и пути их формирования в отобранных сюжетных группах.

Актуальность и научная новизна статьи состоят в том, что в ней представлена систематизация моделей пути героини на основе русских народных волшебных сказок. Данные модели могут быть использованы при дальнейшем более углублённом анализе сказочных сюжетов. Исследовательская гипотеза такова, что, несмотря на наличие в мировом фольклоре идентичных сюжетов и архетипических образов, каждая культура будет выделять в качестве доминирующих конкретные сюжеты, образы и модели поведения фольклорных персонажей. В последующем сопоставление данных моделей и образов поможет выделить уникальные черты народной культуры и сделать некоторые выводы о ментальных и культурных особенностях портрета нации.

В качестве методов нами использованы сопоставительный, мотивный и сюжетный анализ. Теоретической базой послужили работы Дж. Кэмпбелла и

В. Я. Проппа, посвящённые пути героя и сюжетной структуре волшебной сказки.

В. Я. Пропп в качестве минимальной значимой единицы сказки выделяет функцию, соотносящуюся с действиями персонажей, — «поступок действующего лица, определяемый с точки зрения его значимости для хода действия» [Пропп, 2001, с. 58]. При этом фактическое именование персонажей зачастую не имеет никакого значения для сказки. Например, помогать героине в сюжете о Финисте (АТУ 432) может старушка, баба-яга, бабушка-задворенка, соседка и т. д. Большая часть волшебных сказок восходит к обрядам посвящения, а также важную роль играют представления о загробном мире и путешествиях в иной мир. Именно они дают большее число сказочных мотивов [Пропп, 2000].

Концепция мужского пути в сказке и мифе подробно разобрана американским антропологом Дж. Кэмпбеллом. И хотя сам исследователь отмечал, что аналогичный путь может быть пройден и женщиной, он всё же сосредоточился на анализе мифов и сказок с мужским персонажем в центре [Кэмпбелл, 2021].

Как и В. Я. Пропп, Дж. Кэмпбелл писал, что «традиционный миф о приключениях героя обычно представляет в преувеличенном виде все обряды перехода: уединение — инициация — возвращение к обычной жизни, которую можно назвать центральным блоком мономифа» [Кэмпбелл, 2021, с. 38]. Герой сказки проходит через путь инициации, получает богатство, привилегии, достигает успеха, находит достойную жену и т. д. «Одна из первых основ композиции сказки, а именно странствование, отражает собой представления о странствовании души в загробном мире» [Пропп, 2001, с. 187].

Герой совершает это путешествие, становится обновлённым, узнаёт нечто новое и, возвращаясь, приносит важные дары или инструменты из иного мира для своей общины. Таким образом, герой совершает путешествие для того, чтобы измениться самому и принести людям нечто, что изменит и их жизнь в лучшую сторону.

Схема путешествия героя хорошо накладывается на те сказки, главным героем которых является мужчина, но Дж. Кэмпбелл указывает, что этот путь может пройти и женщина: «Герой — это мужчина или женщина, которым удалось преодолеть свои личные и конкретные исторические ограничения и прийти к универсальным, присущим всему человечеству формам» [Кэмпбелл, 2021, с. 26]. Таким образом, задача героя — разрушение сложившегося порядка и создание нового сообщества. Однако, продолжая разговор о связи пути героя с образом женщины Дж. Кэмпбелл утверждает, что женщине необязательно вставать на этот путь. Причина заключается в том, что женщина совершенно изначально, она богиня и конечная цель пути героя-мужчины, вставшего на путь трансформации: «Во всех мифологических традициях присутствует женщина. Она просто есть. Всё, что ей надлежит сделать, это осознать, что она и есть то место, которого все желают достичь. Когда женщина поймёт, что представляет собой её чудесный образ, она перестанет стремиться быть псевдомужчиной» [Кэмпбелл, 2016, с. 335]. Далее он отмечает, что «в нашей мифологии не существует моделей для женского странствия» [Кэмпбелл, 2016, с. 12]. Итак, хотя Дж. Кэмпбелл утверждал, что женщине необязательно проходить путь героя, всё-таки она может пойти по нему. И в доказательство он приводит несколько примеров: все такие пути заканчивались браком, как и для мужчины. Подобные противоречивые утверждения провоцировали последователей идей К. Г. Юнга и Дж. Кэмпбелла [Мёрдок, 2018; Эстес, 2017] искать путь героини, поскольку женщинам с активной жизненной пози-

цией представлялось невозможным примириться с мыслью, что в народном сознании пути для них нет, а женщине в социально-общественном устройстве опять отводится место позади мужчины.

Согласно Дж. Кэмпбеллу, мужской путь в сказке и мифе — это путь героя, который отправляется в путешествие в иной мир, чтобы преобразиться внутренне, добыть что-то полезное для людей и вернуться домой. Но герой может отказаться возвращаться в свой мир, он начинает сомневаться, «можно ли донести до других пришедшее к нему откровение» [Кэмпбелл, 2021, с. 235]. И некоторые герои остаются в новом для них мире, наслаждаясь радостями и познанием, которые приобрели.

Кроме того, Дж. Кэмпбелл пишет о женской природе преимущественно в контексте природного женского начала, реализующегося в виде Великой Матери-Земли, и о трёх её ипостасях, затем приводит подробный обзор богинь мифов древнего мира [Кэмпбелл, 2016] Три ипостаси богини он выделяет на основе исследований М. Гимбутас — это богиня — дарительница жизни, богиня-смерть, богиня смерти и возрождения [Гимбутас, 2006, с. 244]. Согласно Дж. Кэмпбеллу, у богини следующие функции: «1) дарить нам жизнь, 2) принимать нас в смерти и 3) вдохновлять нас <...> побуждать к творчеству» [Кэмпбелл, 2016, с. 86].

В отличие от носителей западного культурно-антропологического взгляда на мифологический материал, выделяющего универсалии и нивелирующего этнокультурные особенности разных фольклорных традиций, представители отечественной структурно-мифологической школы акцентируют свое внимание на жанровой специфике мифоритуальных и собственно сказочных версий обсуждаемых сюжетов. Так, Е. М. Мелетинский в качестве продуктивной идеи в работе Дж. Кэмпбелла выделял мысль о «масках» бога, представляющих собой различные уровни и формы мифологического символизма, т. е. миф и ритуал становятся в его понимании теми ключами, которые помогут познать универсальные и неизблемые начала в человеческой природе. Опираясь на это, мы можем искать архетипические образы и изначальные модели поведения, заложенные в сознании человека ещё с древних времён, которые, пусть и в изменённом виде, сохранились в сказке и мифе.

Добычей героя в финале пути будут волшебные предметы и жена из иного царства (в наиболее архаическом варианте — тотемная жена), которая станет покровительницей семьи, рода и общины. Е. М. Мелетинский отмечал, что «единственный подлинно архаический сюжет <...> — это сказки о чудесных (тотемных, звериных) женах, реже мужьях, потерянных в результате нарушения брачных табу и возвращенных (не всегда, впрочем) после трудных испытаний в „тотемном“ царстве „тестя“» [Мелетинский, 1998, с. 309]. В русском фольклоре этот мотив сохранился в сказке типа «Царевна-лягушка» (АТУ 402), где чудесная жена выполняет сложные хозяйственные задачи. Стирание этого мотива в последующей сказочной традиции «объясняется тем, что большей частью забывается хозяйственная мощь чудесной жены» [Мелетинский, 1998, с. 312].

Последующей разработкой темы женского пути в мифе и сказке занимались М. Мёрдок и К. П. Эстес, однако их подход к материалу основывался на юнгианском психоанализе, феминистских идеях и личных взглядах относительно современного положения женщины в социуме.

К. П. Эстес, психоаналитик юнгианской школы, исследует не столько путь женщины, сколько женскую природу, её внутренний мир и познание женщиной себя, получение ответов на глубинные психологические вопросы и

поиск своего места в мире [Эстес, 2017, с. 11]. Она анализирует различные сказочные и мифологические сюжеты и убеждена в положительном воздействии сказок на психику человека. По мнению К. П. Эстес, в сказке скрыты мудрость и потенциал, считывать который нужно сквозь непосредственный сюжет. Она предлагает интерпретировать сказки, сказочных персонажей и их поступки так, словно всё отражённое в сказке и мифе всегда даёт ответы на то, что происходит в психике человека. Также К. П. Эстес занимается поиском «архетипа первозданной женщины» или «дикой женщины» [Эстес, 2017, с. 11]. Конечно, «архетип „первобытной женщины“ имеет довольно длительную традицию литературной рефлексии. Особым изменением он подвергался в начале XX века, четко отражая сдвиги в социальном мировосприятии. Объясняется это феминистскими настроениями, под их натиском старый взгляд на женское предназначение вступал в противоречие с очевидным ростом активности женщин в жизни общества» [Дмитриева, 2016, с. 20].

Через метафору сказки и такое же метафорическое описание пути героини К. П. Эстес предлагает путь познания себя [Эстес, 2017], что больше похоже на психоаналитическую методику работы со сказкой как метафорой, чем на фольклористическое или антропологическое исследование. Говорить о пути героини здесь затруднительно, поскольку путь есть, но он не один, а из каждой сказки автор выводит уникальный путь, который проходит героиня. И путь этот зависит от того, какую часть души должна исцелить сказка. Но в общей своей структуре путь женщины приводит её к познанию себя и гармонии.

Стоит отметить позицию М. Мёрдок, вступившей в полемику с идеей Дж. Кэмпбелла, что женщина ценна сама по себе и ей нет необходимости проходить путь героя. М. Мёрдок представила модель пути героини, которая заключается в исцелении ран женского начала, существующих глубоко внутри женщины и внутри культуры. Она проводит аналогии с путешествием мужчины и отмечает, что «модель пути героини частично выводится из кэмпбелловской модели пути героя» [Мёрдок, 2018, с. 11]; путешествие женщины — это погружение глубоко в душу, исцеление и восстановление, в то время как мужское путешествие заключается в движении вверх, наружу, к духу. Эта адаптация идеи Дж. Кэмпбелла «сложилась на базе постфеминистской критики Кэмпбелла. Якобы он создал однобокий — мужской — взгляд на роль мифологии в личностном и культурном развитии, и поскольку концепция мономифа отсылает к мужским обрядам инициации, в ней игнорируется путь женщины-героини, тоже переживающей свои внутренние трансформации» [Седых, 2019, с. 87].

Итак, М. Мёрдок идёт от противного, полемизируя с Дж. Кэмпбеллом, но по сути вторя ему, поскольку женщина, примирившая в себе мужское и женское, является тем идеалом, к которому стремится герой Дж. Кэмпбелла.

Представленный взгляд на путь героини полностью находится в русле юнгианской психологии и феминизма, поэтому кажется нецелесообразным опираться на них, если исследователь занимается выделением так называемого пути героини, стремится идти от фактического материала, предоставляемого ему народной традицией, и старается минимизировать личные симпатии, антипатии и представления о женской «ущемлённости» в культурном пространстве.

Исследование и его результаты

Несмотря на идею об отсутствии пути героини, сюжетная структура сказки даёт некоторые варианты этого пути на материале сказок с женским

протагонистом. Модель женского пути в русской волшебной сказке представлена, на наш взгляд, четырьмя центральными репрезентативными сюжетными группами.

Первая модель женского пути заключается в поисках героиней потерянного члена семьи (брат, сестра) или любовника. Героиня уходит из дома, чтобы найти его, проходит через ряд испытаний в потустороннем мире, вызволяет искомого человека из опасности и, как правило, возвращается с ним домой.

В сюжете АТУ 311 («Спасение младшей сестрой»), где героиня ищет пропавших сестёр, три сестры просят отца привезти им подарки, но тот забывает об их просьбах. И тогда две девушки отправляются за ними самостоятельно и попадают в плен к медведю, чародею, лешему или другому опасному существу, от которого их спасает младшая сестра. После спасения сестры возвращаются домой. К этой же модели поисков мы относим сюжет АТУ 480А* («Гуси-лебеди»), в котором сестра, не уследившая за младшим братом, идет на его поиски и, благодаря помощи волшебных существ, возвращается с ним домой.

Следующий сюжет АТУ 342 («Финист — Ясный сокол») значительно отличается от двух предыдущих, так как героиня отправляется в иной мир, чтобы найти и вернуть возлюбленного. Такая модель инициации строится иным образом в отличие от представленных выше сюжетов, там в центре дети, поэтому брачный аспект не выходит на первый план в финале. В этом сюжете коллизия обусловлена половозрелостью героини и её готовностью вступить в отношения с мужчиной. Девушка проходит основные вехи пути героя по Дж. Кэмпбеллу, а сюжетная структура наиболее полно укладывается в формулу героической волшебной сказки по В. Я. Проппу [Ахмедзянова, 2022; Золотова, Ахмедзянова, 2025].

Согласно Дж. Кэмпбеллу и В. Я. Проппу, герой, прошедший испытания в ином мире, как правило, возвращается домой, как и герои-дети. Однако в сюжете АТУ 432 героиня после освобождения возлюбленного и наказания своей соперницы может остаться жить в том дворце, где нашла Финиста [Зеленин, 1915, с. 222–224; Афанасьев, 1985, с. 194–198]. Но есть варианты, где герои возвращаются в дом героини и там играют свадьбу [Зеленин, 1914, с. 371–375; Афанасьев, 1985, с. 190–193]. Поэтому утверждение, что героиня всегда возвращается в свой мир, мир людей, не всегда реализуется в этом сюжете. Обратившись к европейским вариантам АТУ 432, обнаружим ту же картину примерно равного распределения финалов, где героиня остаётся у мужа или возвращается с ним к себе домой.

В данном сюжете отражены принципы брака архаического типа, в котором мужчина свободно перемещался от одного дома к другому и имел несколько жён. Так, в сказке, имея одну тайную жену-героиню, Финист находит другую. Предположительно, возвращение с мужем в дом отца героини свидетельствует о сохранении в сюжете черт более архаичного социального устройства, согласно которому в центре семьи была женщина, а мужчина переходил из одного женского дома в другой. О наличии такой практики свидетельствуют данные о матрилокальном устройстве семьи на ранних этапах существования социума. Брачная связь в сказке о Финисте экзогамна, вследствие чего присутствует оппозиция *свой — чужой*, но поскольку первоначально брак является тайным, то он социально не одобряем (родственники героини вредят чудесному супругу). Отголоски матрилокального брака находим в том, что Финист имеет двух жён, хотя формально их отношения не были узаконены. От первой он уходит ко второй, и первая вынуждена искать его. Чаще всего, ес-

ли речь идёт о сказках, сохранивших реликты браков матрилокального типа, дом, куда возвращается героиня с мужем, не его дом, а дом её родителей.

Кроме того, в пользу архаичности сюжета с данной моделью пути говорит и наличие в качестве возлюбленного героини тотемного персонажа — Финиста, утерянного в результате нарушения табу. Архаичность сюжета заключается также в том, что ведущую роль здесь играют брачные запреты, а не испытания. Да и сам брак предшествует испытаниям. В такой сказке наибольший интерес представляют непосредственно странствия героини в поисках супруга, т. е. акцент переносится на испытания, а первоначальное обретение супруга становится не столь существенным, формально уподобляясь звену предварительного испытания, ведущего к обретению супруга.

Также стоит отметить, что европейские варианты этого сюжета дают информацию, что героиня отправляется на поиски Финиста, будучи беременной. И она не может родить, пока не найдёт отца ребёнка [Swahn, 1955, p. 244].

Вторая и третья модели пути реализуются в сюжетах, которые строятся на конфликте мачехи и падчерицы. Мачеха, стремясь избавиться от падчерицы, отсылает её из дома, просто прогоняет или даёт невыполнимые поручения. Во всех случаях падчерица справляется с трудностями. Дочери мачехи, попытавшись сделать всё то же самое, терпят неудачу.

Во второй модели героиня получает богатое приданое за свои добродетели и за почитание иномирного существа, к которому попадает (АТУ 480 «Мачеха и падчерица»). Третья модель отражает представление о сверхъестественной помощи покойной матери или чудесного покровителя/помощника (АТУ 410 «Спящая красавица», АТУ 709 «Белоснежка», АТУ 511 «Хаврошечка», АТУ 510А «Золушка», АТУ 706 «Безручка»).

В рамках сюжета АТУ 706 «Безручка» мы имеем дело уже с послебрачными приключениями героини, которая при помощи чудесного покровительства святого возвращает себе мужа и доброе имя.

В формировании второй и третьей моделей отразился переход общинных взаимоотношений от эндогамии и экзогамии. В рамках экзогамии представления о важности женщины вместе с идеями тотемизма [Смирнов-Кутаческий, 1943, с. 24] связывали общину и укрепляли понятие о надёжности материнского рода, так как род считался по материнской линии. «Утверждение экзогамности — важная стадия в истории семьи. Поэтому в позднейших сказках встречается часто, как падчерица после расправы с мачехой остаётся жить у отца. Получается: род отца и род мачехи, оба в системе экзогамности» [Смирнов-Кутаческий, 1943, с. 31–32]. Также в сказке находит отражение борьба между патриархатом и матриархатом, т. е. между патрилокальным и матрилокальным типами брака. И она реализуется в противостоянии мачехи (матриархат) и падчерицы (патриархат). Таким образом, сказка нам даёт конфликт двух родов — отца и матери, где мачеха относится к материнскому роду, а падчерица — к роду отца. Падчерица в этой битве побеждает, поскольку силы природы, а вместе с ними и сказка находятся на стороне патриархата [Смирнов-Кутаческий, 1943, с. 36]. Так патриархальная организация семейного устройства «складывается из отрицания матриархальной семьи» [Смирнов-Кутаческий, 1943, с. 27]. Расширение социальных связей, прогресс относительно прежнего уровня жизни, главенство мужчины как более мобильного и сведущего в хозяйственных отношениях, постепенный рост чувства безопасности — всё это постепенно привело к тому, что роль мужчины в семье существенно возросла.

Итак, эти две модели пути, с одной стороны, представляют картину противостояния мачехи и падчерицы или же ещё более архаичный конфликт жён. «В полигамной семье появляется почва не только для соперничества и вражды жен, но и для соперничества детей разных жен, и для враждебного отношения матерей к чужим детям» [Мелетинский, 2005, с. 138]. С другой стороны, эта модель отражает путь инициации через готовность к брачным отношениям героини в патриархальном типе семьи в противоположность первой модели, где, как в сюжете о Финисте, представлены отношения персонажей и путь женщины в рамках матриархата.

К **четвёртой модели** относятся группы сюжетов, повествующие о жене, являющейся помощницей и/или спасительницей мужа (АТУ 880 «Муж, хвастающийся своей женой»), который либо попадает в беду, либо оказывается пленённым за то, что хвастался своей женой. Героиня узнаёт о проблемах мужа, переодевается в мужскую одежду и спасает его.

В целом эта модель пути похожа на первую, где героиня теряет возлюбленного или члена семьи. Однако в этом сюжете важен уже законный статус жены-героини.

К этой же модели можно отнести и сюжеты, где женщина является чудесной супругой из иного царства (АТУ 402 «Царевна-лягушка»), поскольку «активная героиня, спасающая мужа из беды, большей частью в мужском наряде (АТУ 880, 881 *, 881А, 882, 883В, 887, 888, 888А), — это одна из трансформаций чудесной жены (первоначально имеющей звериную оболочку) волшебных сказок. Переодевание в принципе заменяет чудесное превращение» [Мелетинский, 1990, с. 13]. Но в данном случае целесообразно будет говорить о сходных функциях женских образов как помощниц и покровительниц, отсылающих к архаичным представлениям о тотемных жёнах. Женского пути в сказках, где герой добывает себе тотемную жену, потом теряет и ищет, нет.

Отдельно можно отметить сюжеты о неверных жёнах (АТУ 318 «Неверная жена»), поскольку они также демонстрируют женскую поведенческую модель, однако женщина в таком сюжете не проходит путь инициации или чего-то подобного. Как правило, в центре находится обманутый муж, который вступает в конфликт с женой и её любовником.

Конечно, в сказках есть образы богатырш и колдуний (Марья Моревна в сюжете СУС 302, царевна с волшебной книгой, которая обещает выйти замуж за того, кто лучше всех от неё спрячется, в сюжете АТУ 329 «Прятки от принцессы»), однако в этом случае разговор должен идти о женских образах в сказках, но не о пути, так как в этих сюжетах представлен путь героя-мужчины, а женщина из своего девического состояния становится женой героя.

Заключение

Итак, несмотря на изначальное утверждение Дж. Кэмпбелла, что пути героини не существует и женщина может пройти путь героя, но делать это вовсе не обязательно, путь женщины в сказке всё же наблюдается. Поэтому последователи идей К. Г. Юнга и Дж. Кэмпбелла правы в своих попытках сконструировать модель женского пути. Однако при подобной работе необходимо отталкиваться от фольклорного материала, а не от психологических концепций, если мы стремимся к объективности анализа женского пути на материале конкретной народной традиции. Таким образом, проведённый нами фольклористический анализ показал, что модель пути героини в фольклоре и мифологии есть, но сюжеты, представляющие её, не столь многочисленны, как сюжеты, реализующие путь героя. Кроме того, сам путь женщины довольно огра-

ничен и не так разнообразен и насыщен событиями. Однако систематические наблюдения над выделенными нами группами сюжетов позволили выявить четыре ключевые модели пути женщины, которые предлагает русская волшебная сказка:

1) архаичная матрилокальная: героиня спасает возлюбленного или родственника;

2) более поздняя патрилокальная: сюжеты о мачехе и падчерице, где героиня проходит испытания и находит мужа посредством чудесных помощников;

3) то же, что во второй модели, но героиня получает от чудесного/тотемного покровителя приданое, которое позволяет ей выйти замуж;

4) тотемная жена во всех её последующих трансформациях, спасающая мужа от неприятностей и выполняющая трудные задачи.

Подобный разбор моделей женского пути в русской волшебной сказке даёт картину женской инициации, которая осуществляется через брак, как и у мужчины. Женский героический путь с приключениями и преодолением опасностей возможен в сказке. Дж. Кэмпбелл же романтизирует женщину, накладывая на неё представления древних людей о богине как конечной точке пути героя-мужчины.

Кроме того, представляется, что путь героини в сюжете АТУ 432 («Финист – Ясный сокол») – не позднее образование на основе пути героя, а самостоятельный архаичный сюжет, сохранивший древние черты: мотив беременности героини и следы матрилокальности.

Более подробный последующий разбор вариантов пути героини в волшебной сказке – анализ частотных или популярных сюжетов, а также их изменчивость в рамках культур разных народов – может дать ценные сведения для антропологических истоков того или иного поведения женщин или формирования их ценностей в исследуемом социуме, так как в фольклоре представлены конкретные ролевые модели. Женские ролевые модели, вшитые в национальный код, будут соответствовать наиболее частотным, популярным и любимым сюжетам. Это позволит определить антропологические и ментальные особенности того или иного народа, отразившиеся в поле женских образов и их функционировании в народной традиции, а в последующем рассмотреть формирование женского поведения, развитие женской идентичности и самореализации в разных национальных культурах. Даже если это построение женской идентичности на основе сказок будет гипотетическим, можно будет составить фольклорный портрет женщины, опираясь на представленные конкретными моделями поведения героини в сказке и других фольклорных текстах.

Список источников

Ахмедзянова А. Р. Мотив путешествия (женского квеста) и особенности его реализации в русских народных сказках сюжета СУС № 432 «Финист – Ясный сокол» // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 12. С. 3703–3708. <https://doi.org/10.30853/phil20220649>

Афанасьев А. Н. Народные русские сказки : в 3 т. М.: Наука, 1985. Т. 2. 384 с.

Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы. М.: РОССПЭН, 2006. 572 с.

Дмитриева В. В. «Новый миф» о Синей Бороде в творчестве английской писательницы Анджелы Картер // Уральский филол. вестн. Серия : Драфт: молодая наука. 2016. № 5. С. 18–26.

Зеленин Д. К. Великорусские сказки Вятской губернии. Петроград: Тип. А. В. Орлова, 1915. 681 с.

Зеленин Д. К. Великорусские сказки Пермской губернии. Петроград: Тип. А. В. Орлова, 1914. 656 с.

Золотова Т. А., Ахмедзянова А. Р. Фольклорно-мифологическая основа женского квеста в русскоязычном романе-фэнтези: к постановке проблемы // Изв. Саратовского ун-та. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, № 1. С. 104–109. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-1-104-109>

Кэмпбелл Дж. Богини: тайны женской божественной сущности. СПб.: Питер, 2016. 448 с.

Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. СПб.: Питер, 2021. 544 с.

Лисина Е. А. Инициация как недостаточный ритуал современного социума // Фундаментальные аспекты психического здоровья. 2017. № 3–4. С. 23–26.

Мамалова Х. Э. Роль фольклора в формировании ценностных ориентаций личности школьника // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 1 (86). С. 275–277.

Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки: происхождение образа. М.; СПб.: Академия исследований культуры, Традиция, 2005. 240 с.

Мелетинский Е. М. Женитьба в волшебной сказке (ее функция и место в сюжетной структуре) // Избр. ст. Воспоминания. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1998. С. 305–317.

Мелетинский Е. М. Историческая поэтика новеллы. М.: Наука, 1990. 279 с.

Мёрдок М. Путешествие героини. М.: Клуб Касталия, 2018. 240 с.

Митяев Ю. Г. Мужчины и женщины: гендер в сказках народов мира // Время науки. The Times of Science. 2021. № 2. С. 18–26.

Панченко Е. Э. Концепты «мужчина» и «женщина» в русских и английских волшебных сказках // Вестн. Московского гос. лингв. Ун-та. Гуманит. науки. 2018. № 18 (816). С. 246–256.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.

Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. СПб.: Питер, 2001. 256 с.

Седых О. М. Джозеф Кэмпбелл и зигзаги неомифологизма: от феномена «Звёздных войн» к алгоритмам сторителлинга // Вестн. Московского ун-та. Серия 7: Философия. 2019. № 6. С. 77–93.

Смирнов-Кутаческий А. М. Народные сказки о мачехе и падчерице: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1943. 379 с.

Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Барраг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1979. 437 с.

Эггес К. П. Бегущая с волками: женский архетип в мифах и сказаниях. М.: София, 2017. 653 с.

Swahn J.-O. The tale of Cupid and Psyche. Lund: Ohlssans, 1955. 498 p.

Uther H.-J. The types of international folktales: a classification and bibliography based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson: in 3 vols. Helsinki: Suomal. tiedekat., 2004. Vol. 1. 662 p.

References

Afanasyev, A. N. (1985). *Folk Russian tales*: in 3 vols. Moscow, Science, vol. 2, 384 p. (In Russian).

Akhmedzyanova, A. R. (2022). The motive of the travel (women's quest) and the features of its implementation in Russian folk tales of the plot of SUS No. 432 "Finist - a Clear Falcon". *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, vol. 15, no 12, pp. 3703-3708. (In Russian). <https://doi.org/10.30853/phil20220649>

Barag, L. G., Berезovsky, I. P., Kabashnikov, K. P. and Novikov, N. V., comp. (1979). *Comparative index of stories. East Slavic fairy tales*. Leningrad, Science, Leningrad Branch, 437 p. (In Russian).

Campbell, J. (2016). *Goddesses: mysteries of the feminine divine*. St. Petersburg, Piter, 448 p. (In Russian).

- Campbell, J. (2021). *The hero with a thousand faces*. St. Petersburg, Piter, 544 p. (In Russian).
- Dmitrieva, V. V. (2016). "New myth" about the Blue Beard in the work of the English writer Angela Carter. *Ural Philological Bulletin. Series: Draft. Young Science*, no. 5, pp. 18-26. (In Russian).
- Estes, K. P. (2017). *Women who run with the wolves: myths and stories of the wild woman archetype*. Moscow, Sofia, 653 p. (In Russian).
- Gimbutas, M. (2006). *Civilization of the great goddess: the world of Ancient Europe*. Moscow, Russian Political Encyclopedia, 572 p. (In Russian).
- Lisina, E. A. (2017). Initiation as an insufficient ritual of modern society. *Fundamental Aspects of Mental Health*, no. 3-4, pp. 23-26. (In Russian).
- Mamalova, H. E. (2021). The role of folklore in the formation of value orientations of the personality of the student. *World of Science, Culture, Education*, no. 1, pp. 275-277. (In Russian).
- Meletinsky, E. M. (1990). *Historical poetics of the novel*. Moscow, Science, 279 p. (In Russian).
- Meletinsky, E. M. (1998). Marriage in a fairy tale (its function and place in the plot structure). *Selected articles. Memories*. Moscow, Russian State Humanitarian University, pp. 305-317. (In Russian).
- Meletinsky, E. M. (2005). *Hero of a fairy tale: the origin of the image*. Moscow, Academy of Culture Research, Tradition, 240 p. (In Russian).
- Mityaev, Yu. G. (2021). Men and women: gender in the tales of the peoples of the world. *Time of Science*, no. 2, pp. 18-26. (In Russian).
- Murdok, M. (2018). *The heroine's journey*. Moscow, Club Castile, 240 p. (In Russian).
- Panchenko, E. E. (2018). The concepts "man" and "woman" in Russian and English fairy tales. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, no. 18, pp. 246-256. (In Russian).
- Propp, V. Ya. (2000). *Historical roots of the wonder tale*. Moscow, Labyrinth, 336 p. (In Russian).
- Propp, V. Ya. (2001). *Morphology of the folktale*. St. Petersburg, Piter, 256 p. (In Russian).
- Sedykh, O. M. (2019). Joseph Campbell and zigzags of neo-mythologism: from the phenomenon of "Star Wars" to the algorithms of the storytelling. *Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy*, no. 6, pp. 77-93. (In Russian).
- Smirnov-Kutachesky, A. M. (1943). *Folk tales of the stepmother and stepdaughter*. PhD thesis. Moscow, 379 p. (In Russian).
- Swahn, J.-O. (1955). *The tale of Cupid and Psyche*. Lund, Ohlssans, 498 p.
- Uther, H.-J. (2004). *The types of international folktales: a classification and bibliography based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson*. in 3 vols. Helsinki, Suomal. tiedekat., vol. 1, 662 p.
- Zelenin, D. K. (1914). *Great Russian tales of the Perm Province*. Petrograd, A.V. Orlov Printing House, 656 p. (In Russian).
- Zelenin, D. K. (1915). *Great Russian tales of the Vyatka Province*. Petrograd, A.V. Orlov Printing House, 681 p. (In Russian).
- Zolotova, T. A. and Akhmedzyanova, A. R. (2025). The folklore-mythological basis of the female quest in the Russian-speaking fantasy novel: to the formulation of the problem. *Bulletin of the University of Saratov. New Series. Series: Philology. Journalism*, vol. 25, no. 1, pp. 104-109. (In Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-1-104-109>

Сведения об авторах

Алпатов Сергей Викторович — докт. филол. наук, заведующий кафедрой русского устного народного творчества, alpserg@gmail.com

Зайцева Ирина Витальевна — аспирант кафедры русского устного народного творчества, <https://orcid.org/0009-0007-6417-9061>, SPIN-код: 5262-5649, AuthorID: 1297410, for_irina.97@mail.ru

Information about the Authors

Sergey V. Alpatov — Ph.D. in Philology, head of the Department of Russian Folklore, alpserg@gmail.com

Irina V. Zaitseva — postgraduate student of the Department of Russian Folklore, <https://orcid.org/0009-0007-6417-9061>, SPIN-код: 5262-5649, AuthorID: 1297410, for_irina.97@mail.ru

Статья поступила в редакцию 17.06.2025; одобрена после рецензирования 16.01.2026; принята к публикации 16.01.2026.

The article was submitted 17.06.2025; approved after reviewing 16.01.2026; accepted for publication 16.01.2026.